

— Это ведь отличная возможность, — быстро ответил Чжоу Пэй. — Подумай хорошенько. Не смотри на то, что в приюте мало детей, всего несколько десятков человек. У большинства из них за плечами необычные жизненные истории, и психологических проблем у них хоть отбавляй. Для такого психолога, как ты, у которого маловато опыта практической работы, это блестящий шанс для закалки. Да, нагрузка может оказаться побольше, зато за год наберешь внушительную базу кейсов. Посмотри, сколько статей ты опубликовал в городских журналах за последние два года? А если поработаешь в приюте год и как следует изучишь хотя бы один случай, уж не говоря о большем, сможешь смело претендовать на публикацию в изданиях провинциального уровня и выше.

Ян Имин уставился на эти строки, уголки его губ поползли вверх, растягиваясь все шире, пока он наконец не разразился довольным хохотом.

— Брат Чжоу, у тебя же все идет как по маслу, к чему это? — Ян Имин, хоть и смеялся во весь голос, сидя перед экраном, все же счел нужным проявить вежливую скромность.

— Да я просто не справляюсь с потоком, — Чжоу Пэй прислал смайлик с разведенными руками. — У меня в клинике дела идут неплохо, в последнее время слишком много консультаций. К тому же ты сейчас на этапе развития, тебе нужно накапливать опыт.

Ян Имин, широко улыбаясь, изо всех сил стараясь придать своему тону как можно больше скромности и учтивости, рассыпался в комплиментах Чжоу Пэю, одновременно посетовав на нехватку опыта и попросив учителя Чжоу в будущем не отказывать ему в помощи.

Чжоу Пэй прислал улыбающийся смайлик и добавил:

— Ты тоже независимый психолог, а в нашем деле опыт — самое важное. Тебе еще нет тридцати, а ты уже ведешь консультации — это отличный результат, свидетельствующий о твоих способностях. Но твои нынешние клиенты в основном приходят из учебных заведений, проблемы у них довольно типичные. Если же ты сможешь успешно завершить несколько по-настоящему сложных и показательных случаев, твое имя сразу станет известным, и дела пойдут гораздо лучше.

Ян Имин был полностью с ним согласен. Его заветная мечта — зарабатывать три тысячи в час — оставалась неизменной.

Он возбужденно прошелся по комнате, заставил себя успокоиться и попрощался с Чжоу Пэем. Затем бросился в ванную и окатил себя ледяной водой: такое счастье свалилось на голову, тут уж не до спокойствия. Вдруг он вспомнил картину в коридоре с подписью Сюй Линь и решил для начала перерыть старые записи приемов, чтобы найти хоть какие-то зацепки. Этот Сюй Линь его очень заинтересовал.

Потому что этот Сюй Линь вполне мог оказаться тем самым типичным случаем, который принесет ему славу. Ян Имин не упустил бы ни единого шанса, который мог бы прославить его и принести деньги, какой бы призрачной ни казалась эта возможность.

Когда на следующее утро Дин Цзыму проснулся, его голова раскалывалась. Он медленно сел на кровати, чувствуя, что все тело нещадно ноет. Он осторожно вдохнул и, как и ожидал, ощутил острую боль в груди и животе. Задрав пижаму, он увидел, что кожа покрыта синяками. Он попытался вспомнить вчерашний вечер: кажется, Брат Чжэн много ему говорил, но все воспоминания были какими-то туманными. Дин Цзыму почесал всклокоченные волосы, чувствуя, что соображает все хуже и хуже. Невралгические головные боли, мучившие его с давних пор, в последнее время стали только сильнее, а вместе с ними прогрессировала и забывчивость. Судя по следам побоев, он с кем-то дрался, но почему?

Брат Чжэн сказал... что на него напали грабители на выходе из переуллка?

Дин Цзыму сидел на кровати, обхватив голову руками и пытаясь сосредоточиться. В мыслях царил хаос, лишь кое-где всплывали обрывки воспоминаний: какой-то мужчина, ругаясь, толкает его... но, кажется, было еще светло, вокруг слышались людские голоса... Грабеж средь бела дня, на глазах у всех?

Дин Цзыму разжал руки и нахмурился, пытаясь вспомнить подробности, но фрагменты ускользали, оставляя лишь неясные отголоски. Он поднял голову: за окном рабочие ломали стену, грохот кувалд отдавался в ушах. Здесь становилось все труднее жить, пора было съезжать.

Но куда?

— Посмотри на себя, — Учитель Фэн с жалостью погладила Дина Цзыму по лицу и вздохнула.
— Такой симпатичный парень, зачем ты ввязался в драку? А если бы лицо изуродовали? Хотя... уже изуродовали.

Дин Цзыму усмехнулся:

— Учитель Фэн, я же не актер, внешность не так важна. К тому же, ничего страшного, просто пара синяков.

— Кто сказал? — Учитель Фэн придвинулась ближе, внимательно разглядывая его подбитый глаз. — В наше время внешность — это все! Это называется рейтинг привлекательности, понимаешь? Когда человек красив, он сразу располагает к себе, в обществе с этим гораздо проще.

— Вы даже знаете слово рейтинг привлекательности? Ну вы даете, — Дин Цзыму взял ее за руку и ласково добавил: — Не волнуйтесь, это просто ссадины, через пару дней все пройдет.

— Больше не дерись, — Учитель Фэн с сожалением покачала головой и добавила: — Такой красивый парень, чего тебе драться? Ты же все равно проигрываешь. Еще в приюте тебя вечно

колотили, даже девчонка могла прижать тебя к земле. Я до сих пор помню тот год...

— Хватит, хватит, — Дин Цзыму закатил глаза. — Вы вспоминаете мои позорные страницы уже лет десять, вам не надоело?

— Нет! — с удовольствием ответила Учитель Фэн. — Ой, Ло Ян в прошлом месяце навещала меня и тоже вспоминала об этом. Она до сих пор помнит, как ты тогда от обиды плакал, но упорно не хотел говорить прости.

— Это ее любимая история, она не может успокоиться, пока не расскажет ее при каждой нашей встрече, — сердито проворчал Дин Цзыму. — Вредная девчонка.

Учитель Фэн внимательно посмотрела на него и с улыбкой спросила:

— Ло Ян ведь приглашает тебя на обед каждый месяц, верно?

Дин Цзыму кивнул и рассмеялся еще веселее:

— Учитель Фэн, я понимаю, о чем вы, но вы зря надеетесь. Мы с Ло Ян настолько близкие друзья, что это уже как левая рука с правой, никаких других отношений там быть не может.

— А хорошая ведь девушка... — Учитель Фэн снова вздохнула, глядя на его лицо, и расстроилась еще больше. — Такой красивый парень, и лицо в синяках.

У Дина Цзыму снова разболелась голова:

— Учитель Фэн, со мной правда все в порядке. На меня просто напали в переулке, вот и пришлось драться.

— Напали! — голос Учителя Фэн стал громче, брови сдвинулись к переносице. — Как же так?

— Я сам не знаю. На самом деле... у меня почти не осталось воспоминаний о том вечере. Помню, что была драка, а потом... кажется, пришел Брат Чжэн и спас меня.

— Маленький Чжэн снова приходил к тебе? — сказала Учитель Фэн. — Хорошо, что он оказался рядом, иначе все могло закончиться плохо. Я же говорила тебе столько раз, нельзя там жить, это опасно. Почему ты упрямисься?

— Аренда дешевая... Правда, хозяйка недавно подняла цену, утверждает, что я сам согласился, но я этого не помню.

Дин Цзыму почувствовал тревогу и спросил:

— Учитель Фэн, может, мне стоит показаться врачу? Мне кажется, с памятью что-то не то.

— В детстве у тебя не было таких провалов, — задумалась Учитель Фэн. — Я помню, ты попал в приют лет в восемь-девять, часто болел. Были головные боли, такие, что ты по полу катался, а после них бывал немного рассеянным, но до потери памяти не доходило. Мы возили тебя в больницу, делали энцефалограмму, КТ, МРТ... Врачи сказали, это невралгические боли. Видимо, твоя забывчивость связана с этим, возможно, состояние ухудшилось.

Дин Цыму подумал: что значит ухудшилось? Почему с возрастом Учитель Фэн стала говорить вещи, от которых хочется лезть на стену?

— Я пил много лекарств, но толку мало, — нерешительно добавил он. — Учитель Фэн, я читал книги и подумал... может, у меня лунатизм?

— Лунатизм? — засмеялась Учитель Фэн. — Точно нет. В приюте каждую ночь дежурили, в коридорах камеры, если бы ты бродил по ночам, это давно бы заметили.

— И то верно, — согласился Дин Цыму. — Но в последнее время я дважды просыпался в синяках. В первый раз я так и не понял, что произошло, а во второй... Брат Чжэн сказал, что на меня напали, но я не помню абсолютно ничего.

— Муму, через пару дней я схожу с тобой в больницу. Так продолжаться не может, нужно лечить твои головные боли, иначе случится беда.

— Не надо, я сам справлюсь, — улыбнулся Дин Цыму. — Такая жара, не стоит вам лишний раз бегать. Я уже взрослый, сам доберусь.

Учитель Фэн нахмурилась еще сильнее, погладила его по лицу и прошептала:

— Муму, тебе ведь скоро двадцать три, правда?

— Учитель Фэн, ну опять вы за свое, — вздохнул он. — Мне всего двадцать три.

— Я не заставляю тебя жениться, чего ты нервничаешь? — притворно рассердилась она. — Что, я тебя раздражаю?

— Ну что вы, я готов слушать ваши нотации хоть каждый день.

— Я к тому, что не в женитьбе дело, ты еще молод. Но тебе пора найти девушку. Чтобы был кто-то близкий, кто позаботится о тебе, и я буду спокойна.

Дин Цыму дернул уголком рта, но промолчал. Учитель Фэн знала: это значит отказ. При

упоминании этой темы он всегда замыкался.

Обычно дети в тринадцать-четырнадцать лет начинают проявлять интерес к противоположному полу, иногда даже завязывают тайные отношения. Психологи приюта проводили с ними беседы, ведь их жизненный опыт отличался от опыта обычных детей, и к чувствам они относились по-разному.

Но Дин Цзыму был исключением. Из-за красивой внешности он с детства пользовался успехом у девочек, в приюте ему оказывали знаки внимания, позже в училище он получал любовные письма, а в кондитерской, где он работал, отбоя не было от молодых покупательниц. Но он никогда не проявлял интереса ни к одной девушке.

Учитель Фэн одно время думала, что он, возможно, гомосексуален. Она считала себя достаточно демократичной и была готова принять это, но Дин Цзыму, казалось, избегал и мужчин. Кроме того самого Брата Чжэна, он ни с кем не был близок.

Что это? Страх перед любовью?

Учитель Фэн легонько похлопала его по плечу, заставляя посмотреть ей в глаза:

— Муму, давай я познакомлю тебя с одной девушкой, а?

— Учитель Фэн, ну кто на меня посмотрит? — Дин Цзыму привел самый веский аргумент. — С моими-то условиями, какая девушка заинтересуется?

— Это не причина. Скажи честно, что ты на самом деле думаешь.

Дин Цзыму твердо ответил:

— Я не хочу сейчас заводить отношения. Я хочу найти стабильную работу, заработать денег... Без дома, без дела, о какой любви может идти речь?

Учитель Фэн, глядя на нескрываемую неприязнь в его глазах, подумала: этому ребенку действительно нужно к врачу.

— Учитель Фэн, не беспокойтесь обо мне, я уже большой, сам о себе позабочусь, — попытался он сменить тему.

— Посмотри на свои раны, так ты заботаешься о себе? Если бы не Маленький Чжэн, неизвестно, чем бы все кончилось, — она была в отчаянии. — Ты не можешь вечно зависеть от других.

— Я знаю, — Дин Цзыму успокаивающе похлопал ее по руке. — Я не буду вечно сидеть на его шее, со мной все будет хорошо.

Когда Ян Имину позвонила Учитель Фэн, он мучительно пытался вспомнить, кто это. Он провел в приюте всего три с половиной дня, большую часть времени просидев в кабинете консультаций, и этот Учитель Фэн совершенно не отложился у него в памяти. Но это не помешало ему радушно ответить:

— Учитель Фэн, здравствуйте, здравствуйте!

— Учитель Ян, у меня есть один ребенок... хотела бы проконсультироваться по его поводу, возможно ли это?

— Конечно, — бодро ответил Ян Имин. — Даже если он уже выпустился из приюта, я могу провести консультацию, без проблем.

— Откуда вы узнали, что он уже выпустился? — удивилась Учитель Фэн.

Ян Имин самодовольно улыбнулся: он считал, что этот ход сработал на все сто и прекрасно продемонстрировал его высокий профессионализм.

Он притворно скромно и многозначительно произнес:

— Догадался.

Учитель Фэн похвалила его, выразила свое восхищение, а затем спросила:

— Учитель Ян, существует ли такая психологическая болезнь, как сильный страх перед любовью?

— А? — Ян Имин на секунду замялся, а потом ответил: — Строго говоря, такой болезни нет. Страх перед любовью с точки зрения психологии — это не заболевание. Это скорее состояние стресса, когда после перенесенной душевной травмы человек на какое-то время начинает избегать или даже отвергать любовь. Лечить это специально не нужно, со временем, или когда встретится «тот самый» человек, все проходит само собой.

Ян Имин вдруг рассмеялся:

— Страх перед любовью нет, зато есть «любовная лихорадка». Некоторые пациенты воображают, что в них кто-то влюблен или что они с кем-то состоят в отношениях, погружаясь в этот бред с головой. Вот это уже психологическая проблема, иногда требующая медикаментозного вмешательства.

— Но этот ребенок с детства отвергает любовь. Когда другие вовсю влюблялись, он не проявлял ни малейшего интереса, и даже больше — я вижу, что он испытывает отвращение. С чем это связано?

— Вот как, — Ян Имин задумался. — Душевная травма не обязательно должна быть получена лично им. Если он когда-то стал свидетелем какой-то трагедии, это могло повлиять на него, заставив относиться к любви с подозрением или даже враждебностью.

Учитель Фэн замолчала. Она вспомнила запутанную историю жизни Дина Цзыму. Спустя долгое время она тихо спросила:

— И как ему помочь?

— Давать ему больше положительных примеров, чтобы он постепенно принял нормальную любовь. — Ян Имин сделал паузу. — Главное — чтобы рядом был человек с достаточным терпением и любовью, который поможет ему, поддержит и даст почувствовать уверенность в чувствах.

Учитель Фэн замолчала на еще более долгий срок. «Найти одного человека и не расставаться до седых волос» — это мечта многих. Сколько людей на протяжении веков, от императоров и чиновников до простых торговцев, искали этого, но скольким удалось обрести?

Повесив трубку, Учитель Фэн не могла сдержать вздоха. Она любила Дина Цзыму, но знала: в нашем жестоком мире вероятность того, что он встретит такого терпеливого и любящего человека, ничтожна.

Ян Имин после звонка тут же выкинул этот разговор из головы. По сравнению с гигабайтами материалов и ящиками документов, то, о чем говорила Учитель Фэн, было сущим пустяком.

В последнее время Ян Имин был занят систематизацией архивов приюта. Чжоу Пэй оказался порядочным человеком и передал все данные в идеальном порядке.

Тема «психического здоровья подростков» стала популярной лет десять назад, а в школы психология пришла лет шесть-семь назад. Но социальные приюты — это не обычные школы, вспомогательные структуры там были развиты слабо. Хотя психологическая помощь существовала давно, полноценной она стала лишь четыре-пять лет назад. Документы, которые изучал Ян Имин, начинались с шестилетней давности. В целом, ситуация у детей была неплохой, лишь десяток нуждался в особом внимании, и только двое требовали длительного сопровождения. Этого было достаточно, чтобы занять Яна надолго.

Но больше всего его заинтересовала фотография, случайно выпавшая из папки. На ней группа детей окружила маленький столик с большим противнем. Рослый парень в белом фартуке и поварском колпаке держал в руках кусок теста и, судя по всему, что-то рассказывал детям, широко и искренне улыбаясь.

Этого парня Ян Имин узнал: это было то самое странное «крупное псовое» — как его там, Дин... Гвоздь... Дин Цзыму?

Ян Имин подумал, что мир полон совпадений.

Глава 7

Ян Имин изучал материалы скорее для галочки, ну и, конечно, втайне надеясь найти хоть какую-то зацепку, связанную с тем самым Сюй Линем.

Ян Имин всегда отличался внимательностью и острым чутьем. Его научный руководитель не раз хвалил его «талант» психолога, хотя и добавлял с намеком: «если бы ты был более прилежен в науке...». Ян Имин прекрасно понимал подтекст.

Но он был с этим не согласен. Чтобы заниматься наукой, нужно выжить, а для выживания нужны деньги. Сначала заработок, потом наука — выживание важнее жизни. Он не считал свой подход ошибочным. Например, сейчас он был уверен, что Сюй Линь — отличный кейс, который позволит ему опубликовать статью в серьезном научном журнале, что очень важно для карьеры. А карьера — это гранты, гранты — это деньги, а деньги — это возможность заниматься чем угодно. Разве не так устроена современная наука?

Поэтому Сюй Линь был очень важен. Жаль только, что он существовал лишь на той картине. Ян Имин перерыл весь архив до последнего листочка, но следов Сюй Линя больше не нашел.

Зато, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Статья, может, и сорвалась, зато он поймал очень интересное «псовое».

Ян Имин внимательно рассматривал фото. Кто бы мог подумать, что этот Дин как-то связан с приютом? Возможно, он сам вырос здесь. Ян Имин вспомнил, как в парке развлечений Дин Цзыму был пугливым и чувствительным, а в драке становился яростным и жестоким. А теперь, глядя на это фото — яркая улыбка, добрый взгляд, искренняя доброта к детям...

<http://bllate.org/book/19775/1948313>